

Евгений ПЕРЕМЫШЛЕВ

Что у них опять стряслось, в этом Валиховском переулке?

У одесских песен — жанр весьма условный, но популярный и узнаваемый — имеется диковинная особенность. Безразличные к координатам времени настолько, что запечатлённую в них эпоху приходится уяснять по второстепенным подробностям, вещным деталям, они скрупулёзно точны в определении места действия. И тем уникальны.

Не назову песен фольклорных или квазифольклорных, где упоминались бы Невский либо Литейный проспект, Малая и Большая Морские, прямые линии Васильевского острова. Из воспетых московских топонимов всплывают в памяти только "Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской..." (маршрут своеобразный, хоть и понятен: катит, голубчик, из "Яра", где прогулялся в прах, а на последнюю, да на пятёрочку грех поберечься, взял тройку, колокольчик звенит под дугой). Кажется, и всё. Русская народная песня указывает место действия в общем и целом, применительно к масштабам окружающего пространства: "На муромской дорожке...", "Есть на Волге утес...". Или так: "По диким степям Забайкалья...". Вернее некуда. Но одесские песни резко и отчетливо районированы. "На Молдаванке музыка играет...", "Мясоедовская улица моя...". И даже ещё точнее, можно обвести кружком на карте с подходящим масштабом: "Как на Дерибасовской угол Ришельевской..."

Сила эта центристическая, и столь характерен приём, что в песнях, заимствованных одесским фольклором и присвоенных навсегда, чужие названия подменяются местными. Кто помнит, что, согласно первоисточнику, открылась пивная не на Дерибасовской, а на Богатяновской, то есть и не в Одессе, а в Ростове-на-Дону, прямо супротив тюрьмы, лишь перейди дорогу? Кроме того, о становлении песни резонно судить по музыке. Это же танго "El Choclo", сочинённое в Буэнос-Айресе в начале века (прошлое, следовало бы отметить, но этот век — основная часть моей жизни и потому будто длится, а нынешний — и не в счёт), благополучно присвоенное в Париже в 1913 году, там и тиражировано, перепёртое с испанского языка. В русском изводе под французскую как бы мелодию пела его Иза Кремер и в столице, и в первопрестольной, и в Одессе. Это было "Аргентинское танго", другое название — "Танго смерти".

Тем не менее, музыкальная основа песни "На Богатяновской открылась пивная" взята почти наверняка с грампластинки, которую привезли если не из Польши, то из лимитрофов, где танго было записано, опять-таки, после очередного заимствования. Парижский будто оригинал не очень и перелицован безвестным польским, возможно, латгальским композитором. Практика малопочтенная и распространённая. А тутешние мастера скрипичного разводного ключа и камертона, взяв лимитрофную музыку и оркестровыв с учётом здешних реалий и вкусов, выдали за свою. Работа текстовика придала краше законность. Мелодия, добравшаяся не столь кружным путём, всего с двумя пересадками, по маршруту Аргентина — Франция — Россия, послужила основой для песенной реплики, обращённой к переложению. Источник указан: "Зачем, скажите, вам чужая Аргентина?". А дальше повествуется о дочке каховского раввина Енте, словно шёлковая лента, тонкой и, словно шёлковая лента (как развязываются эти ленты, не удержать никаким узлом!), своеобразной. Но и там, и тут, и здесь ритмическая основа — танго, пусть с вариациями, определившими стихотворный размер и форму исполнения. Публика, однако, глуха, словно ей на ухо наступил Бетховен, ей ли отделить танго от фокстрота, музыки клезмерской, интонации канторской.

И, завершая сюжет в сюжете, взглянем, как менялся исходный текст, по-своему и сомнительный, и зыбкий. Улица с таким названием никогда не существовала. Были в Ростове Богатяновский спуск, Богатяновский переулочек, а район, получивший наименование по кринице, откуда, похваливая богатый кладёз, пил, согласно легенде, сам Пётр I, звалась Богатяновкой. С диковинным упорством автор текста — ведь имелся такой — держится за вздорную мелочь. Сменить единственную букву в окончании, й на м, и точность соблюдена, пивная, клануться старожилы, располагалась именно в переулке. Подкоротить слово, приладив е, смысл опять не пострадает, останется верен действительности. Но сочинитель — человек, скорее, пришлый, основывался не на собственном опыте, работал понаслышке.

При заимствовании этого песенного шедевра всё было вовсе наоборот. Локус обозна-

чен твёрдо и прямо, как требует поэтика жанра, что соответствует обыкновенно горожан, живущих с порта и мимо таможни. Выделанные на родной земле товары они выдают за контрабанду (классический образец контрафакта), товары, ввезённые беспощадно, обандероливают, снабжая акционными марками. И так, Дерибасовская. Мало что это улица — одна из центральных, средоточие шикарных магазинов, первоклассных ресторанов, раздолье для чистой публики (даром ли заезжий москвич дивился бесконечной ширине одесских тротуаров). И даже беря во внимание, что песня сочинена и присвоена в советские времена, когда ни магазинов, увы, ни ресторанов, ах, на ней больше не было — так, какие-нибудь столовая номер бис, лавка по продаже изделий туземной промышленности; память жила. Дерибасовская! Это не Канатная, не Военный спуск. Пивная, да ещё с таким сомнительным контингентом? Извольте — Базарная, извольте — Ремесленная, стык Дальницкой и Балковской улиц. Но частности в сторону, ради целомудрия жанра, топонима в истинном виде.

И вот очередной топоним, значение которого слушателю вряд ли и ведомо. По крайней мере, широкому слушателю. А непонимание есть первая ступень к забвению. И как тогда с поговоркой о песне, откуда слова не вынуть?

В Валиховском переулке — Там убитого нашли. Был он в кожаной тужурке, Восемь ран на груди. На столе лежит покойник, Тускло свечи горят. Это был убит налетчик, За него отомстят. Не прошло и недели — Слухи-толки пошли: В Валиховском переулке Двух лягавых нашли...

Танцевально-песенный номер "Налётчики" исполнялся в кабачке "Взятие Дарданелл". Но Филипп, по обстоятельству образа действия бандит и свободный анархист по самоаттестации, заявивший, что так поют в самотаге, знал, что к чему (хотя и умолчал о том, как танцуют). Чутким слухом налётчика он уловил сущность мелодии. Вслушайтесь, это ж канторская традиция, нашедшая отражение и в безнадзорном фольклоре, и в советской массовой музыке.

Неведомо, кто сочинил песни "В Валиховском переулке..." и "Гром прогремел, зоряция иди..." для пьесы "Интервенция". Может, и сам драматург, который ни стихов, ни песен будто бы не писал. И если вторая из них — пародийная стилизация, пастиш, то первая, несомненно, "одесский жанр", квазифольклор, который создавали высокие профессионалы, казавшиеся скромными ремесленниками, Яков Ядов, Моисей Ямпольский, и оказавшиеся на деле малыми классиками рядом с классиками покрупнее — Катаевым, Багрицким, Ильфом и Петровым. И будто предание из "Агады" либо иного подобного свода, воспринимается эпизод из потёмков отечественной истории. Сидевший за столиком по соседству незнакомец посетовал вслух, что ему не пишется, творческий кризис настал после высочайшего взлёта. Бабель и Олеша заинтересовались, что такое написал их случайный конфидент. И тот ответил — ну как же, песня "Ужасно шумно в доме Шнеерзона". Бабель и Олеша поняли, что беседуют с настоящим талантом, и выразили искреннее почтение.

Но кто бы ни был автором песни про события, имевшие место в Валиховском переулке, текст её выполнен по строгим канонам. Сюжет ультимативно локализован, топоним выдвинут в самое начало первой строки. Кажется, автор чуть кичится своим мастерством. Гордость его справедлива. Короткое словосочетание даёт знатоку одесских реалий не элементарный топос, но прямо-таки — хронотоп.

Переулочек назван по имени чтимого одесскими соотечественника. Леопольд Валих, крупный негодяй, оставил городу здание, где помещался его магазин (сиречь амбар или склад), с тем, чтобы в здании этом была учреждена городская богадельня. Надо заметить, в памятной надписи, украшавшей фасад означенного заведения (и присутствие такой надписи обоснованно, если помнить, что и вдова покойного завещала на обустройство богадельни около 300000 франков), фамилия благотворителя была написана с лихвой, через два л, рядом указан год — 1896. Затеили-

вые формы благодарности — и не совсем верное начертание фамилии мецената, и употребление её в качестве топонима. Особенно учитывая, что после возникновения своего (было тут доселе пространство, именованное Безыменной площадью, часть которого занял впоследствии комплекс зданий университетского факультета медицины) звалась мостовая, окружённая строениями, улицей, потом недолго — переулком, опять — улицей, вновь — переулком. Впрочем, источники и затем давали порой двойное наименование: Валиховский переулочек-Безыменная площадь. А там названия запрыгали чехардой: Клинический, Медицинский, Нариманова.

Названия специфические, ибо здесь располагались теперь и анатомический театр, и морг, а также открытая в 1903 году станция скорой помощи, вторая в России и первая, откуда выезжали к пациенту по вызову.

Средоточие угрюмых и скорбных учреждений, тяжёлые ассоциации, замысловатая в плане фигура (переулочек/улица начинались длинным отрезком, сворачивали почти под прямым углом, продолжались, чтобы опять свернуть под углом и закончиться отрезком коротким) формируют и сюжет песни. Библейское "око за око" (зло осмеянное Шекспиром в комедии "Венецианский купец") обнаруживает своё скупердяйство на фоне природной широты одесситов: смерть налётчика оплачена смертями двух служащих правоохранения.

Судя по упоминанию кожаной тужурки, детали гардероба достаточно определённой, это революционное десятилетие. Рабочая одежда лётчиков и автомобилистов после зимней русской революции вошла в моду. Кожанками, крагами, высокими сапогами поскрипывали комиссары (они возникли ещё при Временном правительстве), начальники среднего ранга, чекисты, а также Яков Свердлов, который и стал застрельщиком этой моды среди однопартийцев. При какой власти происходили события, установить труднее. Власть в Одессе менялась великое множество раз, пока бригада Котовского не вытеснила из города последних узурпаторов и не утвердилась законная — советская. Термин "лягавый" помогает отчасти локализовать во времени описываемый казус. Так звали сыскных агентов и при царском режиме. По инерции слово это существовало и дальше (вместе со словом "мент", также наследием проклятого царизма, сменившим, однако, значение), но вот самих налётчиков после денной и ночной работы откомандированных из центра чекистов к 1926 — 1927 годам в городе практически не осталось, хотя и случались рецидивы. Следовательно, разворачивается краткий, но брутальный сюжет песни не прежде 1917 года и не позднее 1927-го, когда в Одессе имелись и крепкая администрация, и органы сыска при ней. Моменты, когда город был занят петлюровцами и григорьевцами, можно исключить.

Теперь же следует вслушаться не в мелодию, но в слова. Разве ничего не напоминают "восемь ран на груди", столь картинные, что кажутся прямо-таки украшением, дорогой бижутерией? Эти избыточная красочность, нарочитая живописность известны по рассказам Бабеля, апокрифиста, мифотворца: "...они были затянуты в малиновые жилеты, их плечи охватывали рыжие пиджаки, а на мясистых ногах лопалась кожа цвета небесной лазури".

И сама коллизия будто взята из "Одесских рассказов", где есть эпизод с назначением пристава, "новой метлы", заматающей по чужим сусекам, и эпизод его посрамления, описание налёта, повлекшего смерть приказчика Мугинштейна, злосчастного сына куриной торговли тети Песи, и наказание виновного. И воплощённая справедливость, и расплата за грубую ошибку, и кара за предательство.

Кроме того, интонация, вполне домашняя и патетическая (на громкой ноте говорят в любом одесском дворе о самых простых вещах, ибо в апокрифической Одессе нет будней, есть только малые и большие праздники каждый день, а в субботу тем паче), отмечает: это дела семейные, провинившийся будет наказан, страждущий — вознаграждён. Исследователи указывали — в пореволюционное десятилетие возникло небывалое хитросплетение, сращение властных структур и преступного мира. Какой-нибудь начальник районной милиции мог организовать шайку из подчинённых милиционеров и должных быть искоренёнными ими бандитов, иным шайкам покровительствовали чины и в милиции, и в ЧК. Возможно, что песня рассказывает не о противостоянии власти и беззакония, но о любовном объятии их. Прострафился ли налётчик, обмишурились ли слуги правоохранения, они заплатились, и жизнь продолжается сызнова.

Песня "В Валиховском переулке...", кто бы ни был её автором, это версия одесского мифа о благородных налётчиках, их вселили, особым чувстве юмора. Ведь в упомянутом переулке нет ничего такого, что могло бы заинтересовать мало-мальски приличного бандита, ничего, что стоило бы интереса двух служащих правоохранения. Заинтересовать, добавлю, живые и в добром здравии (разве что студенческая столовая, расположенная прямо напротив морга).

Думаю, раненого налётчика доставили сюда и оставили на виду, поскольку именно здесь располагалась станция скорой помощи, и скончался он, не дождавшись вмешательства лекарей (восемь ран на груди — немало, особенно, когда смерть требуется по сюжету), а "лягавые" оказались тут, в свою очередь, ибо Валиховский переулочек — средоточие различных медицинских заведений, работающих как in vivo, так и in vitro, о чём упоминалось выше.

Это справедливость, в разумении её Бенеи Криком, бандитский шик, бандитское сострадание (см., например, рассказ "Как это делалось в Одессе"), бандитское правосудие (см. рассказ "Справедливость в скобках").

А перед тем, как свернуть за угол и отправиться восвояси по спуску Маринеско (вот ономастический аметист — городской спуск назван именем подводника), надо заметить, что песня "Гром прогремел, зоряция иди..." насмешливо пародийна. Налётчик Филипп прорычал её в кабачке "Взятие Дарданелл", когда по одесским улицам и бульварам шагали патрули Антанты, то есть до третьего пришествия советской власти в Одессу следовало пока дожидаться. Был Филька-анархист потрясён до глубины души предыдущими её визитами (губернский розыск — организация абсолютной советской) или острым нюхом налётчика почуял, откуда задувает революционный ветер, он был прав. Конники бригады Котовского уже наострили шашки. Советская власть приближалась.

Валиховский переулочек начала века. Фото предоставлено проектом OLD.ODESSA.UA